

DOI: [10.14515/monitoring.2024.6.2627](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2627)

Д. В. Иванов, И. Ф. Девятко

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГРАНИЦ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Правильная ссылка на статью:

Иванов Д. В., Девятко И. Ф. Библиометрические признаки как символические маркеры дисциплинарных границ: социологическая перспектива // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 27—51. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2627>.

For citation:

Ivanov D.V., Deviatko I.F. (2024) Bibliometric Features as Symbolic Markers of Disciplinary Boundaries: a Sociological Perspective. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 27—51. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.6.2627>. (In Russ.)

Получено: 11.05.2024. Принято к публикации: 11.10.2024.

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ГРАНИЦ: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

*ИВАНОВ Данила Владимирович — аспирант, преподаватель кафедры общей социологии, сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: d.ivanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5242-5807>*

*ДЕВЯТКО Инна Феликсовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; главный научный сотрудник, Институт социологии ФИНСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: deviatko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1955-7592>*

Аннотация. С помощью символических маркеров ученые способны сравнительно быстро ориентироваться в растущем корпусе публикаций, тем самым определяя, пересекая и воспроизводя границы научных дисциплин. Для изучения дисциплинарных границ в наукометрии обычно используется библиометрический анализ, который позволяет наблюдать некоторые квантифицируемые характеристики предполагаемых границ. Однако такой подход не дает возможности оценить, насколько соответствующие признаки субъективно заметны для самих ученых. Это ограничивает возможности социологической интерпретации объективно выявленных междисциплинарных различий с точки зрения их сознательно либо имплицитного восприятия учеными и анализа их потенциального воздействия на историческую динамику демаркации дисциплинарных границ.

BIBLIOMETRIC FEATURES AS SYMBOLIC MARKERS OF DISCIPLINARY BOUNDARIES: A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

*Danila V. IVANOV¹ — Doctoral Student, Lecturer at School of Sociology; Research-Assistant at The Laboratory for Social Integration Research
E-MAIL: d.ivanov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5242-5807>*

*Inna F. DEVIATKO^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Full Professor; Chief Researcher
E-MAIL: deviatko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1955-7592>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Symbolic markers (as those used in “we-they” attributions) help delineate whether a scientist (among other things) finds themselves at the intersection, within, or outside the confines of a given disciplinary boundary, thereby facilitating the swift navigation across an ever-growing corpus of scientific literature. Frequently, these boundaries are revealed through bibliometric analysis, which makes it possible to observe some quantifiable characteristics of the features of the proposed boundaries. Nevertheless, this method falls short of providing a sociologically meaningful interpretation, particularly regarding the historical dynamics and the demarcation of scientific disciplinary communities, unless the subjective salience of these observable features is meticulously considered.

To measure the salience of bibliometric features: 1) we selected “façade” features (such

Для измерения уровня заметности библиометрических признаков мы 1) отобрали «фасадные» квантифицируемые признаки (длины названий, объемы списков литературы, количество соавторов), которые были замеры с помощью анализа метаданных выборки научных статей, опубликованных в российских социологических и психологических журналах; 2) благодаря использованию экспериментальной методики изучения «обыденных» прогнозов, в которой двум группам ученых требовалось угадать значения параметров распределения библиометрических признаков в двух дисциплинарных группах статей, оценили точность угадываний как показатель наличия «фонового» знания об ожидаемых значениях признаков, потенциально используемого в качестве информационных подсказок при дисциплинарном атрибутировании статьи. Для измерения точности сравнивались результаты угадываний и ранее полученные библиометрические данные о средних значениях признаков.

Результаты исследования демонстрируют, что наиболее заметным библиометрическим признаком оказался объем списка литературы, причем именно в психологических статьях. Это дает основания назвать этот признак направленным межгрупповым символическим маркером дисциплинарных границ. Длина названия оказалась заметной для социологов, что позволяет им различать психологические и социологические статьи.

В статье обсуждаются сравнительная значимость и перспективы дальнейшего использования объективно наблюдаемых библиометрических различий для формулирования и проверки гипотез о внутренних принципах демаркации и процессах взаимовлияния научных дисциплин. Апробированная в данном исследовании методика имеет потенциал для получения дополнительно-

as the length of titles counted in words, length of reference lists, and number of co-authors) and analyzed them using metadata from Russian sociological and psychological journals; 2) using an experimental methodology in a separate study, we addressed two disciplinary groups of scientists tasked to guess the distribution parameters of these features in two types of articles affiliated with corresponding disciplines — this procedure assessed the accuracy of intuitive everyday predictions, indicating the effect of implicit background knowledge about the features that could be used as heuristics for disciplinary attribution.

Comparing the predictions with bibliometric data, we found that the reference list length was the most salient perceptual feature, especially in the case of psychological articles. Title length was salient to sociologists at the intragroup level, helping them differentiate between disciplines.

The article discusses the comparative significance and prospects for further use of objectively observed bibliometric differences to formulate and test hypotheses about the internal principles of demarcation and the processes of mutual influence of scientific disciplines. The methodology tested in this study has the potential to obtain additional knowledge regarding the results of previously conducted and planned scientometric studies.

го знания относительно результатов проведенных ранее и планируемых наукометрических исследований.

Ключевые слова: заметность, символические маркеры, эксперимент, библиометрия, дисциплинарные границы, социология науки

Keywords: saliency, symbolic markers, experiment, bibliometrics, disciplinary boundaries, sociology of science

Введение¹

Методы библиометрии уже более полувека помогают решать широкий круг исследовательских задач: от определения тематического наполнения некоторой области знания (например, в целях отбора источников для систематического обзора статей [Моисеев, Мальцева, 2018]) до наукометрического описания трендов ее развития (например, выявления тенденций интернационализации науки) и даже обоснования принципов распределения ресурсов (например, оценки грантовых заявок или назначения поощрительных выплат за публикации в престижных журналах) [Rawat et al. 2021]. В целом библиометрия — один из наиболее популярных инструментов в рамках исследований науки, ее организационного и содержательного устройства [Moody, Edelman, Light, 2022].

Однако применение библиометрии в области социологии науки нередко оценивается критически и неоднозначно в тех случаях, когда появляются окрашенные избыточным энтузиазмом и не всегда обоснованной верой в большие данные и вычислительные науки притязания (см., например, [Китчин, 2017]) на обобщение и использование соответствующих результатов для оценивания успешности исследований (см., например, [Moed, Markusova, Akoev, 2018; Matveeva Sterligov, Lovakov, 2022; Fortunato et al., 2018]) либо в целях описания границ научных дисциплин и дисциплинарных сообществ (см., например, [Kim, 2015; Moody, 2006]). Дело в том, что объективные библиометрические признаки, как будет показано далее, на практике не всегда заметны (salient) или обладают адекватным смыслом для самих ученых, а посему взятые в изоляции не могут полностью отражать внутреннюю логику процессов демаркации дисциплинарных границ. Полноценное описание таких процессов требует, помимо количественной оценки объективно наблюдаемых различий в библиометрических признаках публикаций, принадлежащих разным дисциплинарным областям, выделения тех признаков, которые могут также считаться символическими маркерами научных дисциплин, то есть «сигналами», благодаря которым ученые интуитивно или осознанно различают «своих» и «чужих» и, в частности, определяют, относится ли читаемая ими научная статья к их дисциплине или нет.

Если обратиться к «качественным» попыткам изучить внутренне адекватные дисциплинарные символические маркеры и основания дисциплинарной демаркации (см., например, [Соколов, 2012; Lamont, 2009]), то, хотя некоторые из по-

¹ В статье используются некоторые элементы текста из магистерской диссертации Д. В. Иванова, написанной под рук. И. Ф. Девятко.

лученных в таких исследованиях выводов оказываются действительно правдоподобными и эвристичными, они не выглядят надежно на фоне популярной идеи о риторичности любых конструируемых самими учеными разграничительных линий, возникающих в результате атрибутирования научным практикам и институциям тех или иных характеристик «в целях конструирования социальной границы, различающей некоторые интеллектуальные активности» (иначе это называют «boundary-work») [Gieryn, 1983]².

С одной стороны, исследуя науку и научные дисциплинарные сообщества исключительно с помощью наукометрии, несмотря на объем и систематизированность получаемых данных, нельзя выносить суждения о том, насколько изученные признаки включены в процессы демаркации на практике. С другой стороны, адекватные по смыслу высказывания самих ученых относительно особенных черт, присущих тем научным дисциплинам, которые они представляют, могут быть риторичными, умозрительными и идеологически нагруженными, будучи подчас крайне контекстуальными, что не позволяет найти в них маркеры «общедисциплинарного» характера. Остается своего рода «лакуна» между «объективными» сравнительно легко верифицируемыми наукометрическими признаками и «субъективными» риторическими высказываниями, попытка заполнить которую представлена в настоящей работе³.

Для решения данной проблемы мы предлагаем подход, позволяющий определять, является ли выделенный ранее объективный и обладающий дифференцирующей силой библиометрический признак символическим маркером. Сама процедура не подразумевает прямого «расспрашивания» о том, насколько признак «адекватен по смыслу» в ключе его демаркационных свойств⁴, но опирается на развитый ранее подход к исследованию неявного знания с помощью измерения точности «интуитивных» угадываний и прогнозов [Griffiths, Tannenbaum, 2006; Mozer, Pashler, Homaei, 2008; Девятко, 2012; Девятко, Абрамов, Кожанов, 2010; Девятко, Андреев, 2022]. Мы полагаем, что обращение именно к неявному знанию является «мостиком» между «экстернальными» библиометрическими исследованиями и «интернальными» исследованиями риторики ученых.

Библиометрические признаки как символические маркеры для ученых: неявное знание и научные дисциплины

Библиометрические признаки имеют значимый внутренний смысл для ученых и для производимой ими демаркации лишь в случае, если они заметны и явно или неявно влияют на восприятие меж- и внутридисциплинарных границ самими учеными. Например, исследуя «фасадные» лексические различия корейских и американских англоязычных статей в области социальных наук, можно обнаружить,

² Идея о риторичности любых формулируемых учеными границ и принципов популярна среди авторов «качественных» (обычно реализуемых с помощью интервью и включенного наблюдения) проектов (см., например, [Lamont, Molnár, 2002: 178—181]) по изучению научных сообществ, дисциплинарных границ и т. п., что, несколько парадоксальным образом, не мешает принадлежащим к этому направлению авторам делать выводы о состоянии современных социальных и гуманитарных наук в целом.

³ В области социологии науки и научного знания данная сложность вполне точно артикулирована; для ее заполнения предлагается использовать синтез методов [Gieryn, 2010: 122].

⁴ Это было бы аналогичным взыванием к «риторике» ученых, чего мы хотели бы в данном случае избежать.

что корейские статьи имеют более длинные названия, значимо реже используют двоеточия и крайне часто — слово «focus» [Kim, 2015]. Однако значит ли это, что перечисленные признаки являются маркерами, «сигналами», по которым корейские социальные ученые могли бы отличить «свою» статью от «чужой» в отсутствие явно идентифицирующих аффилиацию признаков, а также значит ли это, что благодаря таким маркерам выстраивается своего рода неявная символическая дистанция между корпусами научных статей ученых двух стран? Несмотря на то что авторы библиометрических исследований подчас притязают на перенос выводов на дисциплинарный уровень, а следовательно, допускают, что эти признаки имеют хотя бы какое-то значение для самих ученых и действительно включены в порядок символической демаркации, на деле эти выводы невозможно принять без проверки заметности этих доступных для обработки параметров для ученых.

Символические маркеры дисциплинарной атрибуции, включенные в процесс демаркации, — это «сигналы», отсылающие к системе значений более высокого порядка (культурной вариации), которая в нашем случае выражается благодаря понятию «научная дисциплина»⁵. Роль символических маркеров в процессах социальной дифференциации и формирования культурных межгрупповых границ (и, в частности, демаркации дисциплинарных сообществ в науке) велика, поскольку такие маркеры позволяют оперативно ориентироваться в «символическом пространстве» и могут использоваться в качестве своего рода информационных подсказок, позволяющих эффективно с точки зрения экономии когнитивных ресурсов и быстро решать задачи распознавания межгрупповой идентичности типа «мы — они» и внутригрупповой типа «свой — чужой».

Символический маркер передается: 1) вследствие непредвзятого (unbiased) явного или неявного копирования маркеров, используемых агентами социализации, а также 2) вследствие предвзятого сравнения собственных черт и черт прочих моделей поведения, после чего субъект перенимает такие символические маркеры, которые соотносятся с чертой «успешности». Оба способа передачи символических маркеров не взаимозаменяемы [Boyd, Richerson, 1987: 70—72]. В случае с научными дисциплинами агентами профессиональной социализации выступают преподаватели или авторитетные исследователи, передающие в условиях организационной структуры университета те или иные исходно контингентные научные черты как «базовые» для студентов.

С учетом описанной организации передачи символических маркеров есть достаточные основания полагать, что если некоторые библиометрические признаки действительно важны для учреждения дисциплинарных границ определенного научного сообщества, то они с высокой вероятностью будут содержаться в том числе на уровне неявного, имплицитного знания [Кожанов, 2011], передаваемого в ходе профессиональной социализации в конкретном дисциплинарном сообществе [Полани, 1995].

⁵ Уместно сопоставить это понятие с «эпистемической культурой», «научным сообществом» и другими концептуально близкими конструктами. Исходное развитие представлений о роли символических маркеров в процессах конструирования и распознавания социальных границ между группами и сообществами связано с исследованиями межгрупповых взаимодействий, межгруппового восприятия и формирования культурных границ в социальной психологии и эволюционной антропологии (см. [Richardson, Boyd, 2001; Turner, 1981; Reynolds, 2001]).

Научные статьи как конституирующий элемент научной коммуникации [Lynch, Woolgar, 1988] определенно наполнены большим числом выраженных символических маркеров. Для наших целей мы выбрали «фасадные» (доступные даже поверхностному наблюдению) элементы научных статей, с которыми ученые сталкиваются в первую очередь и на основании которых они могут оценивать их дисциплинарную релевантность, принимая решение о прочтении [Becker, 2003; Habibzadeh, Yadollahie, 2010; Moody, 2006: 79]. Среди таковых мы выделили следующие: название статьи (количество слов), список литературы (количество источников), соавторство (количество соавторов). Помимо предположительной заметности этих признаков для ученых, для нас было важно отобрать такие, которые отличались бы «нетривиальностью», но при этом хорошей квантифицируемостью с помощью прямых операциональных индикаторов.

Таким образом, мы сначала выделили и верифицировали не связанные очевидным образом с междисциплинарными различиями в содержании публикаций и относящиеся к двум близким дисциплинарным областям (социологии и психологии) формальные библиометрические признаки (из области метаданных), устойчиво дифференцирующие публикации (исследование 1). Далее в отдельном исследовании мы проверили предположение о том, что фоновое знание о параметрах распределения этих признаков позволяет точнее угадывать их значения для той дисциплинарной области, в которой работают респонденты (исследование 2).

Исследование 1: библиометрический анализ

Теоретические рамки и гипотезы библиометрического исследования

Для каждого из двух исследований формулировались гипотезы, основанные на результатах предшествующих библиометрических и историко-научных исследований. Ниже представлены гипотезы исследования 1 (гипотезы к исследованию 2 будут описаны далее).

Опираясь на результаты исследований, относящихся преимущественно к англоязычным научным статьям [Haggan, 2004: 295; Nagano 2015; Soler, 2007; Yitzhaki, 1994; Yang, 2019], мы предположили, что в *статьях психологических и социологических журналов длины названий значимо различаются (гипотеза № 1.1)*. С одной стороны, а) при учете явно фиксируемой закономерности, когда в статьях естественнонаучных журналов длины названий значимо длиннее, чем в гуманитарных статьях [Haggan, 2004: 295; Nagano 2015; Soler, 2007], а также б) допущении о преобладании атрибуции психологии к лагерю естественных наук, а социологии — гуманитарных [Baker, 2012; Porter, Ross, 2003; Haggan, 2004], есть основания сформулировать направленную гипотезу, что *в среднем длина названий психологических статей будет больше, чем в социологических (гипотеза № 1.1.1)*.

С другой стороны, наблюдается тенденция стабильного увеличения количества слов в названиях социологических статей относительно журналов из других дисциплин (в том числе психологии) [Buxton, 1987; White, Hernandez, 1991; Yitzhaki, 2002], на которую наслаивается сравнительно недавний переход социологов от преимущественно книжного формата публикаций к формату статей, отличающемуся более длинными названиями [Moody, 2006; Uçak, 2009: 176]. Более того, некоторые авторы обнаруживают в социально-научных журналах прямую зависи-

мость между объемом текста статьи и длиной ее названия [Yitzhaki, 2002], и, учитывая, что объем текста статей (измеренный количеством знаков) в гуманитарных науках и социологии больше, чем в естественных науках и психологии [Yang, 2019], есть основания сформулировать альтернативную гипотезу о том, что в социологических журналах в среднем длина названий больше, чем в психологических (гипотеза № 1.1.2).

В рамках международных библиометрических исследований также отмечалось, что статьи из области гуманитарных наук (по истории и философии) отличаются крайне длинными списками литературы по сравнению с естественнонаучными статьями [Uçak, 2009: 171]. Существующие исследования по истории социологии позволяют предположить, что вследствие длительного влияния социальной философии (и исторического материализма) [Батыгин, 1991; Батыгин, Девятко, 1993; Batygin, Deviatko, 1994a, 1994b] на советскую и постсоветскую социологию современная социология могла наследовать данную черту: в социологических статьях списки литературы в среднем будут объемнее, чем в психологических (гипотеза № 1.2).

В некоторых предшествующих наукометрических исследованиях было показано, что работы из сферы социальных и гуманитарных наук часто публикуются под авторством одного исследователя, тогда как в сфере естественных наук распространено соавторство, в частности из-за трудоемкости и дороговизны проведения некоторых экспериментов и испытаний [Ductor, 2015; Henriksen, 2016; Fisher et al., 1998; Uçak, 2009: 176]. Есть основания полагать, что в среднем в психологических журналах на одну статью будет приходиться больше соавторов, чем на одну статью в социологических журналах (гипотеза № 1.3).

Выборка

Основным критерием отбора источников данных по статьям служила дисциплинарная принадлежность публикующих эти статьи научных журналов. Для решения проблемы отбора релевантных журналов мы обратились к результатам проекта «Экспертная оценка российских научных журналов» (2015)⁶. Финальный рейтинг состоял из журналов, дисциплинарные атрибуты которых были верифицированы экспертами. Это дает основания полагать, что выделенные итоговые списки журналов в целом репрезентируют содержание текущих исследований в дисциплинарных областях психологии и социологии.

Выборка журналов была составлена с опорой на следующие критерии: 1) журнал входит в список экспертного рейтинга для избранной дисциплины; 2) высоко оценен экспертной комиссией (A1—B1); 3) и не прекратил публикационную деятельность к 2022 г.; 4) базы научного цитирования, архивы журналов предоставляют информацию по статьям с 2000 по 2022—2023 гг.

Исходно было отобрано по пять научных журналов, занявших высокие места в экспертных рейтингах для каждой из двух дисциплин⁷. Для психологии таковы-

⁶ Экспертная оценка российских научных журналов. Управление академической экспертизы // Полит.ру. 2015. URL: https://polit.ru/article/2015/04/08/list_journals/#sociology (дата обращения: 01.08.2022) (сайт «Полит.ру» с апреля 2024 г. заблокирован на территории РФ).

⁷ Журналы, занимающие более низкие позиции в рейтинге, могут идентифицировать себя в качестве «мультидисциплинарных». С точки зрения экспертов, на момент 2015 г. они не относились к «ядру» конкретной научной дисциплины.

ми оказались: «Вестник Московского университета. Серия 14: Психология», «Вопросы психологии», «Культурно-историческая психология», «Психологический журнал», «Психология. Журнал Высшей школы экономики». Для социологии: «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социологический журнал», «Социология: методология, методы, математическое моделирование», «Экономическая социология», «Социологические исследования».

На текущей стадии апробации предлагаемого подхода мы воспользовались стратегией вероятностной выборки: для каждого из 10 журналов отбиралось по 12 номеров (выборка осуществлялась с помощью генератора случайных чисел из основы, включающей все номера, опубликованные в интервале с 2000 по 2023 г.). Из каждого попавшего в выборку номера выгружались все научные статьи (в каждом номере было в среднем 10 статей), относящиеся к категории оригинальных научных исследований (не рецензии, научная хроника и т. п.). А из статей — следующая информация: названия, авторы, данные о выпуске (название, год, номер, страницы), списки литературы. В ходе анализа сравнивались средние значения каждого из отобранных признаков по двум группам: психологические журналы и социологические журналы; усреднение показателей проводилось по номерам журналов.

Результаты проверки гипотез

С помощью теста Стьюдента для двух независимых выборок, проведенного с помощью SPSS, проверялась гипотеза № 1.1 о различиях в длинах названий психологических и социологических статей. Гипотеза имела направленный вариант № 1.1.1: в среднем количество слов в названиях психологических статей больше, чем в социологических, а также альтернативный № 1.1.2, предполагающий, что названия в социологических статьях длиннее психологических. В качестве единиц анализа использовались усредненное по номерам журналов количество слов в названиях (см. табл. 1 Приложения 2)⁸. Средняя длина названий в статьях из социологических журналов в нашей выборке равна 9,54 слова (медиана = 9,33; ст. откл. = 2,91), а в психологических — 8,42 слова (медиана = 8,59, ст. откл. = 1,64). Полученное значение статистики $t = -2,61$ (двусторонний критерий) демонстрирует значимость разницы средних значений между группами на уровне $p = ,003$ ($d = -0,41$; $df = 93$). Таким образом, количество слов в названиях значимо различается по группам — гипотеза № 1.1 принимается; причем так, что в номерах социологических журналов в среднем количество слов в названиях статей примерно на одно (1,12 слова) больше, чем в психологических (9,54 против 8,42). Гипотеза № 1.1.2 принимается, гипотеза № 1.1.1 отвергается.

В рамках следующего проводимого теста проверялась гипотеза № 1.2 о том, что в среднем объем списков литературы в социологических статьях больше, чем в психологических. В качестве единиц анализа использовались усредненные объемы списков литературы по номерам журналов. Средняя длина списков литературы в статьях из социологических журналов равна 36 ед. (медиана = 34,01; ст. откл. = 10,12), а в психологических — 26,9 ед. (медиана = 26,02, ст.

⁸ Приложения к статье: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=15690&hash=4c503232035a8aa70e43e2402f5d18fd>.

откл. = 8) (см. табл. 2 Приложения 2). Результаты анализа отражаются статистической $t = -4,229$, демонстрирующей значимость разницы средних значений между группами на уровне однонаправленного $p < ,001$ ($d = -0,91$; $df = 70$). Таким образом, объемы списков значимо различаются по группам. Причем так, что в статьях из социологических журналов в среднем списки литературы больше примерно на девять источников (25 %) в сравнении с психологическими (36 против 26,9).

В рамках следующего проводимого теста проверялась гипотеза № 1.3 о том, что в среднем на одну статью в психологических журналах приходится большее количество авторов, чем в социологических. В качестве единиц анализа использовалось усредненное количество авторов на статью, сгруппированное по номерам журналов. Среднее число соавторов в статьях из социологических журналов равно 1,4 ед. (медиана 1; ст. откл. = 0,32), а в психологических — 1,7 ед. (медиана = 1, ст. откл. = 0,5) (см. табл. 3 из Приложения 2). Таким образом, в психологических статьях из нашей выборки в среднем в каждой третьей статье на одного автора больше, чем в социологических (1,7 против 1,4). Результаты анализа отражаются статистикой $t = 3,969$, демонстрирующей значимость разницы средних значений между группами на уровне однонаправленного $p < ,001$, ($d = 0,59$; $df = 101$).

Итак, в исследовании 1 проводился библиометрический анализ статей из авторитетных психологических и социологических журналов. Сравнились средние значения (см. табл. 1) по следующим признакам: длина названий статей, объем списка литературы, количество соавторов. Основным результатом оказалось то, что каждый из признаков (длина названий, объем библиографии, количество соавторов) значимо отличался в рамках сравнений по двум группам журналов из выборки: в социологических статьях длиннее названия и больше списки литературы, тогда как в психологических в среднем чуть больше соавторов.

Таблица 1. **Обобщенные результаты библиометрического анализа по всем параметрам: статистически значимые различия ($n = 120$)**

Вопрос (маркер)		Длина названия (кол. слов)	Объем списка литературы (в кол. источников)	Количество соавторов (на одну статью)
Наблюдаемые средние значения	Соц.	9,54	36,0	1,4
	Псих.	8,42	26,9	1,7

Исследование 2: эксперимент с угадыванием значений библиометрических признаков

Теоретические рамки и гипотезы эксперимента

В исследовании 2 был проведен факторный эксперимент с межсубъектной переменной (принадлежность респондента к дисциплинарному сообществу) и двумя внутрисубъектными экспериментальными факторами (систематически варьировались угадываемые признаки статей и дисциплинарная принадлежность журнала), в ходе которого измерялась степень заметности библиометрических признаков для самих представителей двух близких дисциплин — социологии и психологии, оцениваемая как точность угадывания (интуитивного прогноза параметров соответствующего распределения).

В качестве независимых переменных-факторов в проводимом эксперименте выступили: библиометрические признаки (А) и дисциплинарная атрибуция журнала (Б) (см. табл. 2). Зависимая внутрисубъектная переменная — точность угадывания библиометрических признаков учеными. Также в качестве межсубъектной независимой переменной в рамках анализа использовалась принадлежность участника к научной дисциплине (социологии или психологии).

Таблица 2. План эксперимента

Библиометрический признак (А)	Научная дисциплина журнала (Б)	
	Социология (Б0)	Психология (Б1)
Длина названия (А0)	А0Б0	А0Б1
Длина списка литературы (А1)	А1Б0	А1Б1
Количество соавторов (А2)	А2Б1	А2Б1

В рамках эксперимента ученым предлагалось угадать значения описанных выше признаков статей при указании дисциплинарной принадлежности журнала, в котором они публиковались (пример вопросов см. в Приложении 1). Если ученый действительно принадлежит к определенному дисциплинарному сообществу, то, вероятнее всего, он будет более открытым для норм данного сообщества и будет чаще встречаться с признаками статей из журналов «своей» дисциплины, чем с признаками статей из «чужой» дисциплины, так что знания о характере распределения данных признаков для данного ученого будут производной от «коллективного» знания, характеризующегося более высокой точностью, чем «индивидуальное» знание (см. проверку данного свойства [Девятко, 2012]). Опираясь на сформированное допущение и предшествующие результаты, мы полагаем, что каждая дисциплинарная группа ученых точнее угадывает каждый отдельный библиометрический признак для статьи, относящейся к «своей» дисциплине, чем для относящейся к «чужой» (гипотеза № 2.1)⁹. Более того, есть основания выдвинуть предположение, что каждая группа ученых точнее угадает признаки статей из «своих» журналов, относящихся к дисциплине, с которой группа аффилирована, в сравнении с группой, для которой это статьи из «чужих» журналов (гипотеза № 2.2)¹⁰.

В предшествующих исследованиях отмечалось, что социология как научная дисциплина нередко репрезентируется как более «междисциплинарная» в сравнении с другими социальными и поведенческими науками [Bowman et al., 2014: 1703—1706; Heilbron, Vokobza, 2015: 109—110], а также как дисциплина, в которой нет строгого нормативного консенсуса относительно используемых методов, стилей исследований и принципов развития науки [Turner, 2006: 15—16]. На основе такого допущения мы полагаем, что вне зависимости от дисциплинарной аффилиа-

⁹ В рамках гипотезы № 2.1 сравниваются угадывания одной группы ученых по конкретным признакам статей из «своих» журналов с их же угадываниями для статей из «чужих» журналов: внутрисубъектное сравнение (например, социологи угадывают длину названия социологической статьи точнее, чем длину названия психологической).

¹⁰ В рамках гипотезы № 2.2 сравниваются угадывания одной дисциплинарной группы ученых по статьям из «своих» журналов с угадываниями другой группы по тем же статьям: межсубъектное (межгрупповое) сравнение (например, социологи угадывают длину названия социологической статьи точнее, чем психологи).

ции ученого каждый из признаков для социологических журналов статей будет угадываться с более низкой точностью, чем для психологических (гипотеза № 2.3).

Процедура эксперимента

Ход эксперимента был следующим: с помощью опросной методики, используемой в исследованиях точности предсказания значений различных наблюдаемых признаков в повседневном социальном познании (см. пример в Приложении 1 и библиографические ссылки ниже), ученым из двух дисциплинарных сообществ задавались вопросы о параметрах статистического распределения (об ожидаемых значениях) тех или иных маркеров научных статей: описывалась ситуация, где перед ними оказывалась статья либо из социологического, либо из психологического журнала, относительно которой им предлагалось угадать значение каждого из библиометрических признаков. Подробнее о методике можно узнать в следующих работах [Девятко, Абрамов, Кожанов, 2010; Девятко, 2012; Griffiths, Tenenbaum, 2006; Lewandowsky, 2008; Mozer, Pashler, Nomaei, 2008]. Если ученые действительно замечают выделенные библиометрические параметры, а также дифференцируют их по дисциплинарной принадлежности, то они обладают данным знанием как минимум неявно, а значит, смогут совершать более точные попытки угадывания в сравнении с теми, кто с этими признаками не сталкивался на опыте и кто их не замечал [Девятко, Абрамов, Кожанов 2010, 2012; Mozer, Pashler, Nomaei, 2008]. Поскольку в настоящем исследовании речь идет о маркерах дисциплинарных границ наиболее общего уровня (психология *contra* социология), то есть без деления на отдельные субдисциплины и исследовательские направления, мы имеем основания для того, чтобы не учитывать специфику отдельных областей каждой из наук: если для конкретного междисциплинарного маркера существуют разные средние значения для двух дисциплин, при прочих равных данное значение для своей дисциплины будет точнее угадываться представителем этой дисциплины, чем представителем другой дисциплины.

Для оценки точности угадываний (предсказаний) вычислялась среднеквадратичная ошибка прогноза (СКО), рассчитываемая как среднее квадратов значений разности предсказаний испытуемых и известного действительного значения показателя для фактического распределения (в нашем случае библиометрических признаков) (подробнее см. [Девятко, Абрамов, Кожанов, 2010: 8])¹¹. Для оценки точности угадывания средних величин соответствующих библиометрических признаков в качестве истинного значения использовались оценки средних, полученные в исследовании 1.

Актуальность проверяемых символических маркеров для решения наших задач обосновывается тем, что каждый из них является значимым в контексте коммуникации посредством такого медиума, как научный текст [Bowker, 2006: 126]. Названия статей, помимо того, что информируют ученого о содержании статьи, чаще выполняют функцию привлечения внимания [Hartley, 2005]. Соавторство нередко замечается в связке с названием статьи [Milojević, 2017]. Объем спис-

¹¹ Подробнее об СКО см. [Девятко, 2012; Девятко, Андреев, 2022; Mozer, Pashler, Nomaei, 2008]. Стоит заметить, что, хотя наиболее информативным параметром для наших целей является СКО, сравнение простых средних оценок угадываний также может иметь эвристическую ценность.

ка литературы нередко воспринимается как индикатор качества научной статьи [Gadd, Baldwin, Norris, 2010].

Выборка

В основу выборки вошли профессиональные представители дисциплинарных сообществ, чья компетентность и дисциплинарная принадлежность были легитимированы включенностью в устоявшиеся структуры научной коммуникации (научные конференции, конгрессы, работа в лаборатории, научном институте и т. п.); в частности, участники съездов Всероссийского психологического общества (2012—2022), конференции «Когнитивная наука в Москве» (2011—2022), Всероссийского социологического конгресса, а также сотрудники социологических и психологических факультетов / институтов МГУ им. М. В. Ломоносова и НИУ ВШЭ. Для эксперимента условие «репрезентативности» выборки для психологии и социологии как научных дисциплин, учитывающей разные области дисциплин и уровни компетенций, намеренно не выполнялось, поскольку принципиальной целью было определение того, насколько исследуемые признаки заметны для носителей «экспертного» фонового знания о символических маркерах дисциплин. При этом задача статистической оценки распределения исследуемых переменных для генеральной совокупности всех потенциально идентифицируемых представителей социологического и психологического сообществ нами не ставилась.

Основа выборки, собранная из неповторяющихся контактов участников научных мероприятий, упомянутых выше, равная 1200 контактам и разделенная на две группы по 600 представителей для каждой дисциплины, была составлена с ориентиром на 10—15-процентный уровень ответов при учете требующихся 60—80 полностью заполненных анкет на каждую группу. Требование конечной выборки было высчитано априорно благодаря ориентиру на оптимальную статистическую мощность (power), равную 0,95—0,90 при величине эффекта $f = 0,1$, а также определялось самой структурой опроса (две группы и шесть параметров измерения). Также была использована техника контрбалансировки¹² для порядка предъявления заданий (каждый из участников получал версию основной части анкеты с прямым либо с обратным порядком вопросов, исходный порядок представления вопросов в этой части был рандомизирован). Анкета рассылалась на личные электронные почтовые ящики личными письмами. (Примеры вопросов из основной части анкеты приведены в Приложении 1.)

По результатам сбора данных была получена 201 полностью заполненная анкета. Было введено два отсекающих правила: 1) только участники, имеющие степень магистра и выше; 2) первая атрибутивная дисциплина — социология или психология. В итоге осталось 120 полностью заполненных анкет, где содержа-

¹² Техника, при которой составляется две версии порядка вопросов или выполнения заданий; в нашем случае это опрос, который был составлен в двух версиях: первая версия опроса содержала все вопросы в случайном порядке и называлась опросом с прямым порядком вопросов; вторая версия опроса использовала те же вопросы, что и «прямая», но в обратном порядке. Данная техника позволяет избежать смещений, потенциально появляющихся из-за специфического порядка вопросов и эффектов «переноса» (carryover effects), которые могут возникать во внутрисубъектных факторных планах.

лось по 60 ответов от социологов и психологов¹³, среди которых у 85 % научно-исследовательская деятельность занимает примерно половину или больше от всего рабочего времени (такowymi были в основном профессора), а оставшиеся 15 % занимаются научной деятельностью в меньшей мере. Около 75 % социологов и 85 % психологов занимаются исследовательской деятельностью половину или больше половины своего рабочего времени. Каждый из 120 респондентов за последние три года имел как минимум одну научную публикацию. Перечисленные критерии с высокой вероятностью мы ассоциируем со средним или высоким уровнем научных компетенций, что обеспечивает выполнение условий внутренней валидности при проведении эксперимента.

Результаты проверки гипотез

В рамках проверки гипотезы № 2.1 о том, что каждая из групп ученых (социологи и психологи) будет с более высокой точностью угадывать значения отдельных библиометрических признаков для статей из журналов «своих» дисциплин, сравнивались полученные значения СКО (описательные статистики, в том числе по средним значениям, находятся в Приложении 3). Так, психологи действительно точнее угадывают длины списков литературы для статей психологических журналов (то есть «своих» статей), чем для социологических (то есть «чужих»): в рамках парных сравнений средних значений СКО разница значима на уровне $p < ,001$ ($t = -1,754$; $d = 0,46$; $df = 59$); однако по другим признакам (количество слов в названиях, количество соавторов), статистически значимой разницы СКО не выявлено (см. табл. 5 Приложения 4). Группа социологов такие параметры, как длины списков литературы и названий, для статей из социологических журналов (то есть «своих») угадывает значимо менее точно, чем для психологических (то есть «чужих»). Разница для длин списков литературы значима на уровне $p < ,001$ ($t = -2,738$; $d = 0,71$; $df = 59$), для длин названий — на уровне $p = ,007$ ($t = -1,770$; $d = 0,46$; $df = 59$); разница СКО по точности угадывания количества авторов статистически не значима (см. табл. 5 Приложения 4). Таким образом, можно заключить, что гипотеза № 2.1 о том, что ученые точнее угадывают параметры по «своим» журналам, чем по «чужим», подтвердилась только для группы психологов и только для признака «длина списка литературы».

В рамках проверки гипотезы № 2.2 о том, что любой из исследуемых библиометрических признаков угадывается одной группой ученых точнее, когда журнал относится к «своей» дисциплине, чем когда эти признаки угадывает группа, для которой они относятся к журналу из «чужой» дисциплины, также сравнивались значения СКО. Здесь существенных различий в точности угадываний значений библиометрических признаков между группами ученых не обнаружилось (см. табл. 6 Приложения 4). Таким образом, можно заключить, что гипотеза № 2.2 на наших данных не подтвердилась, так как для всех исследуемых признаков величина ошибки и, соответственно, точность угадывания социологами и психоло-

¹³ Средний возраст группы социологов — 50 (мода — 43), а психологов — 45 (мода — 42); минимальный возраст по обеим группам — 24, максимальный — 84. Около 67 % психологов в графе «пол» выбрали ответ «женский» и около 30 % — «мужской»; среди социологов эти значения соответственно 78 % и 20 % соответственно.

гами не обнаруживают значимых различий для статей из «своих» журналов относительно «чужих»¹⁴.

В рамках проверки гипотезы № 2.3 о том, что библиометрические параметры в целом с меньшей точностью будут угадываться по социологическим журналам, чем по психологическим, сравнивались СКО по группам журналов (а не по группам ученых, как выше). По результатам нашего эксперимента, в целом ученые с примерно одинаковой точностью угадывают длины названий и количество соавторов как в психологических, так и в социологических журналах (см. табл. 7 Приложения 4). Вместе с тем длину списков литературы участники эксперимента (социологи и психологи, взятые в совокупности) значимо точнее угадывают в случае психологических журналов, нежели социологических ($t = -6,246$; $d = 0,49$; $df = 119$; $p < ,001$).

Итак, в исследовании 2 был проведен эксперимент, где ученым предлагалось угадать значения таких библиометрических параметров, как длина названия, объем списка литературы и количество соавторов в статьях из социологических и психологических журналов. Основным результатом оказалось то, что обе группы ученых не угадывают точнее признаки по «своим» статьям, чем по «чужим»: социологи для социологических статей давали менее точные прогнозы по длине списков литературы и названий, чем для психологических статей. Вместе с тем психологи для психологических статей давали более точные оценки по длине списков литературы, чем для социологических; остальные параметры обе группы ученых оценивали с примерно равной точностью. Была обнаружена тенденция психологов (на внутрисубъектном уровне) и социологов (на межсубъектном уровне) давать более точные оценки для количества соавторов в статьях из журналов «своих» дисциплинарных атрибуций, однако она не достигла порога значимости для нашей выборки. Следующим важным результатом оказалось то, что вне зависимости от дисциплинарной принадлежности ученого для группы психологических журналов признак «длина списка литературы» угадывался значимо точнее, чем для группы социологических журналов.

Общее обсуждение по результатам двух исследований

Длина названий

Хотя результаты исследований (проводившихся в рамках англоязычного контекста) демонстрируют, что названия статей из лагеря естественных наук и психологии обычно содержат больше слов, чем из лагеря социальных/гуманитарных наук и социологии [Haggan, 2004: 295; Nagano 2015; Soler, 2007; Yang, 2019],

¹⁴ Заметим, что при сравнении средних значений по абсолютным оценкам угадываний признаков между двумя группами ученых обнаруживается, что существуют значимые отличия по ожидаемой длине списков литературы в психологических журналах ($t = -3,543$; $d = 0,67$; $df = 118$; $p < ,001$), длине списков литературы в социологических журналах ($t = -2,453$; $d = 0,45$; $df = 118$; $p = ,016$), а также количеству соавторов в социологических журналах ($t = -3,857$; $d = 0,71$; $df = 118$; $p < ,001$) (см. Приложение № 3). Несмотря на то что эти наблюдения не позволяют сделать вклад непосредственно в проверяемые гипотезы, сам факт значимых межгрупповых отличий может свидетельствовать о существовании некоторых «фоновых» и «имплицитных» норм и ожиданий от журналов, относящихся к разным дисциплинам [Gadd et al., 2010], которые могут опираться, например, на характерные для зарубежных научных публикаций дескриптивные нормы, что согласуется с данной идеей, относящейся особенно к социологии, для которой отмечается некоторая критичность реактуализации и ориентации на продолжение отечественной традиции [Николаев, 2022: 31—33].

в настоящем исследовании было зафиксировано обратное: в названиях социологических статей на русском языке содержится в среднем чуть больше слов, чем в психологических.

Процесс становления социологии в советском контексте как минимум до 1960-х годов был неразрывно связан с традицией социальной философии [Батыгин, 1991; Батыгин, Девятко, 1993; Batygin, Deviatko, 1994a, 1994b; Keen, Mucha, 1994], которой свойственна «многословность», фиксируемая обычно в объемах содержания статей, книг и списков литературы [Uçak, 2009; Yang, 2019; Yitzhaki, 2002: 199]. Большой объем статей, особенно в англоязычных социальных науках, прямо соотносится с длиной названий [Yitzhaki, 2002]. Таким образом, черта философской (и гуманитарной в целом) «многословности» [Uçak, 2009; Yang, 2019; Yitzhaki, 2002] и, по всей видимости, специфическая черта социологии в виде прямой «созависимости» объема содержания работы и длины названия [Yitzhaki, 2002] могли составить некоторого рода «дескриптивную норму» социологии, что, вероятно, нашло свое отражение и в сравнительно более длинных (по сравнению с психологическими) названиях российских социологических статей. Более того, тенденция к увеличению длины названий именно в социологии фиксировалась в европейских и американских журналах еще с конца 1980-х годов [Becker, 2003; Buxton, 1987; Moody, 2006; White, Hernandez, 1991]. Базовое объяснение этому феномену в зарубежном контексте отсылает к тому факту, что тогда появилось много новых узкопрофильных социологических журналов, требующих расширенных и информативных названий; кроме того, снижалась популярность тем, относящихся к области социальной теории, с их более абстрактными и короткими названиями [Moody, 2006]. Для российского контекста это объяснение может быть релевантно, поскольку почти все изученные социологические журналы были основаны в середине-конце 1990-х годов, тогда как психологические начали выходить в свет намного раньше. Это значит, что эффект от реорганизации системы публикаций для российской социологии вполне мог начать свое влияние с 2000-х годов и иметь продолжение в настоящем. Более того, стоит учитывать, что как в социологии, так и в психологии на разных этапах советского, постсоветского и российского периодов возникали взаимовлияния с американской, японской, британской, французской, немецкой и др. традициями [Baker, 2012; Batygin, Deviatko 1994a: 2982; Porter, Ross, 2003], в каждой из которых были свои специфические тренды: например, в британской психологии длина названий статей не изменялась на протяжении многих лет [Buxton, 1987; White, Hernandez, 1991], тогда как во французской психологии с 1900 г. названия увеличились почти в два раза [Lacour et al., 1976]. Данные положения дополнительно актуализируют идею о специфичности национальных корпусов научных публикаций, в частности русскоязычного пространства наук о человеке.

Основываясь на результатах анализа заметности библиометрических параметров с помощью анализа СКО как показателя (не)точности угадываний, мы можем полагать, что длина названий не является явным межгрупповым символическим маркером для представителей двух близких дисциплинарных сообществ — социологов и психологов (несмотря на то что некоторые «объективные» различия в дли-

нах названий есть, сами ученые из «соседних» дисциплинарных сообществ эти различия не замечают, то есть данный признак не обладает для них перцептивной значимостью, *salience*). Так или иначе, длина названий потенциально оказывается внутригрупповым символическим маркером для социологов, по которому они отличают психологов (т. е. социологи предположительно знакомы со «стандартом» длины названий психологических статей).

Количество соавторов в статьях

Социологи обычно пишут работы в одиночку, тогда как психологи несколько чаще практикуют соавторство; этот вывод прямо согласуется с результатами зарубежных исследований [Ductor, 2015; Fisher et al., 1998; Henriksen, 2016; Uçak, 2009]. Так или иначе, полученные нами результаты не выявили статистически значимой разницы в точностях угадываний между группами ученых. Тем не менее социологи демонстрировали тенденцию к более низкой СКО как мере ошибки угадывания в сравнении с психологами (впрочем, не достигшую порога значимости для нашей выборки) в рамках межгруппового сравнения угадываний количества соавторов в социологических журналах, а психологи — в рамках внутрисубъектного сравнения для социологических журналов по отношению к психологическим. Интуитивно правдоподобным объяснением этой тенденции может служить предположение, что социологи чаще читают социологические журналы, чем это делают психологи, однако данный вывод требует дополнительной эмпирической проверки. Объяснение же разницы объективных значений исследованных параметров (исследование 1) может корениться в организационной специфике дисциплин, где «техническая» труднодоступность объекта психологии (требующегося дорогостоящего оборудования, например айтрекера или приборов МРТ, или сложного статистического анализа и т. п.) может стимулировать исследователей объединяться в группы и лаборатории, что не столь свойственно социологам [Converse, 2017; Porter, Ross, 2003].

Объем списков литературы

Тот факт, что в социологических статьях более длинные (в среднем на 7—9 источников) списки литературы, чем в психологических, соотносится с представленным обоснованием, в соответствии с которым российская социология до сих пор испытывает влияние социальной философии [Батыгин, 1991; Батыгин, Девятко, 1993; Baker, 2012; Porter, Ross, 2003], для которой списки литературы, как было ранее показано, одни из самых больших по сравнению с другими дисциплинами [Uçak, 2009: 176]. Есть основания полагать, что объем списков литературы для каждой группы ученых действительно заметен и является внутригрупповым и межгрупповым символическим маркером, причем явно выраженным для психологических статей, имеющих, вероятно, более устоявшийся и выраженный библиографический «канон». Дополнительным интуитивно правдоподобным объяснением может быть то, что психологи, возможно, реже читают социологические журналы, чем социологи — психологические, из-за чего психологи хуже знакомы с социологическим «каноном» библиографии, однако это предположение требует дополнительной проверки и уточнений.

Дисциплинарная атрибуция журналов

Также было обнаружено, что вне зависимости от дисциплинарной аффилиации ученого длина списка литературы для подвыборки психологических статей угадывалась точнее, чем для подвыборки социологических статей. Данный результат является показательным и нетривиальным основанием для демонстрации особой черты «размытости» ожиданий от социологических статей как для психологов, так и для самих социологов. Это согласуется с характеристиками социологии как более гетерогенной и имеющей черты «мультидисциплинарности» науки со сравнительно низким уровнем общенаучного консенсуса в отличие от психологии с ее более устоявшимся «каноном» [Bowman et al., 2014: 1703—1706; Heilbron, Vokobza, 2015: 109—110; Turner, 2006: 15—16]. В таком ключе несколько спекулятивно предположим, что символическим маркером социологических статей может оказаться «неопределенность» в точной дисциплинарной атрибуции конкретной статьи, что рифмуется с идеей о «маргинальном» статусе социолога [Bourdieu, 1995], а также о возможном продолжении влияния «туманящих» эффектов моды на интер-, мульти-, трансдисциплинарность в социальных науках [Гофман, 2021]: в радикальном прочтении неопределенность может рассматриваться и как конститутивная черта социологии. Впрочем, наши результаты не дают прямых оснований для такого общего суждения и требуют независимой проверки в дальнейших исследованиях.

Заключение

Мы предложили интегративный подход к изучению символических маркеров границ между научными дисциплинами (социологией и психологией). Первый этап исследования (исследование 1) подразумевает вычисление и обнаружение объективных дифференцирующих библиометрических признаков научных статей, а второй этап (исследование 2) — измерение заметности данных параметров с целью выявления фонового дисциплинарного знания. Использование двух методов и множественных индикаторов для двух последовательных этапов исследования соответствует логике многометодного подхода в социологии (см. [Девятко, 1993; Anguera et al., 2018]) и позволяет повысить валидность данных и обоснованность выводов. Результаты исследования 2 демонстрируют, что не каждый из изучавшихся нами признаков является символическим маркером (длина названия статьи, объем библиографии, количество соавторов), по которому ученые из близких дисциплин узнают и отличают друг друга. Это подводит к важному тезису о том, что нет оснований формулировать содержательные выводы о внутригрупповых и межгрупповых принципах устройства российской социологии и психологии с преимущественной опорой на изученные библиометрические параметры (исследование 1). Более того, данная логика гипотетически может оказаться применимой и для результатов других библиометрических исследований дисциплинарных границ.

Ограничения настоящего исследования заключаются в том, что результаты не обладают внешней валидностью с точки зрения репрезентативности для всей совокупности корпуса журнальных публикаций двух дисциплин, поскольку сама задумка работы требовала в первую очередь соблюдения принципов внутренней валидности, а целью работы было проверить, способны ли изученные библиометрические

трические признаки как таковые обладать дифференцированной заметностью (выраженностью) для двух групп ученых. Содержательным ограничением исследования является то, что в работе фигурировали значения признаков, оцененные по русскоязычным статьям, которые не исчерпывают горизонты социологии и психологии как универсалистски понимаемых научных дисциплин; кроме того, и изученный набор самих библиометрических признаков не исчерпывает специфику всех аналогичных и потенциально воспринимающихся на «фоновом» уровне признаков, относящихся к метаданным журнальных статей.

Представленный в исследовании 2 метод позволил выяснить, какие признаки статей обладают различительной силой для социологов и психологов, а также осмысленно проинтерпретировать данные результаты с учетом истории дисциплин и предшествующего библиометрического анализа, показавшего статистически значимые различия по всем изученным нами «фасадным» признакам социологических и психологических статей. Согласно полученным данным, на практике для ученых, принадлежащих к двум изученным близким дисциплинам, явно выраженным символическим маркером оказался только один признак — длина списка литературы, что потенциально привело нас к формулировке предположения о специфических свойствах дисциплинарного «канона».

В дальнейшем потенциально было бы продуктивно сравнить точность угадывания для англоязычных статей из тех же двух дисциплинарных областей, поскольку публикациям в международных журналах приписывается определенный престиж, способный влиять на дисциплинарную норму [Batygin, Deviatko, 1994a, 1994b]. Также стоит попробовать взять дисциплины с несколько большей «культурной дистанцией» (например, экономика, политология), не столь сильно связанные в рамках истории междисциплинарных влияний.

Список литературы (References)

1. Андреев И. С., Девятко И. Ф. Влияет ли ненаправленное научение на повышение точности житейских прогнозов: эксперимент в области социального метапознания // Вестник Института социологии. 2022. № 4. С. 115—129. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.852>.
Andreev I. S., Deviatko I. F. (2022) Influence of Undirected Learning on Improving the Accuracy of Everyday Predictions: An Experiment in Social Metacognition. *Vestnik instituta sotziologii*. Vol. 13. No. 4. P. 115—129. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.4.852>. (In Russ.)
2. Гофман А. Б. «Интер», «мульти», «транс» и «пост»: социология, дисциплинарность и постмодернизм // Социологические исследования. 2021. Т. 47. № 2. С. 15—25. <https://doi.org/10.31857/S013216250013028-3>.
Goffman A. B. (2021) “Inter”, “Multi”, “Trans” and “Post”: Sociology, Disciplinarity and Postmodernism. *Sociological Studies*. Vol. 47. No. 2. P. 15—25. <https://doi.org/10.31857/S013216250013028-3>. (In Russ.)
3. Девятко И. Ф. Диагностическая процедура в социологии. Очерк истории и теории. М.: Наука, 1993.

- Deviatko I. (1993) *The Diagnostic Procedure in Sociology. Essay on History and Theory*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Девятко И. Ф. «Мудрость толп» и «мудрость внутри»: сравнительная точность групповых и индивидуальных суждений о дискретных социальных фактах // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2012. № 34. С. 81—104.
Deviatko I. F. (2012) “Wisdom of Crowds” and “Wisdom Within”: Comparative Accuracy of Group and Individual Judgments about Discrete Social Facts. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 34. P. 81—104. (In Russ.)
 5. Девятко И. Ф., Абрамов Р. Н., Кожанов А. А. О пределах и природе дескриптивного обыденного знания о социальном мире // *Социологические исследования*. 2010. № 9. С. 3—17.
Deviatko I. F., Abramov R. N., Kozhanov A. A. (2010) On Limits and Nature of Descriptive Everyday Cognition in The Social World. *Sociological Studies*. No. 9. P. 3—17. (In Russ.)
 6. Батыгин Г. С. Происхождение социологии // *Вестник Академии наук СССР*. 1991. № 2. С. 68—78.
Batygin G. S. (1991) The Origin of Sociology. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences*. No. 2. P. 68—78. (In Russ.)
 7. Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело профессора З. Я. Белецкого // *Свободная мысль*. 1993. № 11. Репринт в сб. *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: в 2 кн. Кн. 1. 20—50-е годы* / под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН. 1998. С. 218—242.
Batygin G. S., Deviatko I. F. (1998) The case of Professor Z. Ya. Beletsky. *Philosophy Never Ends*. Moscow: ROSSPEN. P. 218—242. (In Russ.)
 8. Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2017. № 44. С. 111—152.
Kitchin R. (2017) Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 44. P. 111—152. (In Russ.)
 9. Кожанов А. А. Обращение с аргументом «неявного знания» внутри «когнитивной» социологии науки // *Давыдовские чтения: исторические горизонты теоретической социологии*. Сборник научных докладов симпозиума, 13—14 октября 2011 г. / под ред. И. Ф. Девятко, Н. К. Орловой. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 56—68.
Kohanov A. A. (2011) Handling The “Tact Knowledge” Argument within “Cognitive” Sociology of Science. In: Deviatko I. F., Orlova N. K. (eds.) *Davydov Readings*. Moscow: Institute of Sociology, RAS. P. 56—68. (In Russ.)
 10. Моисеев С. П., Мальцева Д. В. Отбор источников для систематического обзора литературы: сравнение экспертного и алгоритмического подходов // *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2018. № 47. С. 7—43.

- Moiseev S. P., Maltseva D. V. (2018) Selecting Sources for a Systematic Literature Review: A Comparison of Expert and Algorithmic Approaches. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 47. P. 7—43. (In Russ.)
11. Николаев В. Г. Социологическая теория в России: на распутьях фрагментации и плюрализма // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 30—40. <https://doi.org/10.31857/S013216250017450-8>.
Niklaev V. G. (2022) Sociological Theory in Russia: At The Crossroads of Fragmentation and Pluralism. *Sociological Studies*. Vol. 1. No. 1. P. 30—40. <https://doi.org/10.31857/S013216250017450-8>. (In Russ.)
12. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии / под ред. В. А. Лекторского, В. А. Аршинова. М., 1995.
Polanyi M. (1995) Personal Knowledge: on The Way to Post-Critical Philosophy. Moscow. (In Russ.)
13. Соколов М. М. Изучаем локальные академические сообщества // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 76—82.
Sokolov M. M. (2012) Studying Local Academic Communities. *Sociological Studies*. No. 6. P. 76—82. (In Russ.)
14. Anguera M. T., Blanco-Villaseñor A., Losada J. L., Sánchez-Algarra P., Onwuegbuzie A. J. (2018) Revisiting the Difference Between Mixed Methods and Multimethods: Is It All in The Name? *Quality & Quantity*. Vol. 52. P. 2757—2770. <https://doi.org/10.1007/s11135-018-0700-2>.
15. Bake D. B. (2012) The Oxford Handbook of the History of Psychology. *New Models in Geography*. Vol. 2. No. 12. P. 295—317. <https://doi.org/10.4324/9781315830742-27>.
16. Batygn G. S., Deviatko I. F. (1994a) The Metamorphoses of Russian Sociology. In: Keen M. F., Mucha J. L. (eds.) *Eastern Europe in Transformation. The Impact on Sociology*. Westport, CT: Praeger. P. 11—23.
17. Batygin G. S., Deviatko I. F. (1994b) Russian Sociology: Its Origins and Current Trends. In: Mohan R. P., Wilke A. S. (eds.) *International Handbook of Contemporary Developments in Sociology*. Westport, CT: Greenwood.
18. Becker H. S. (2003) Long-Term Changes in The Character of The Sociological Discipline: A Short Note on The Length of Titles of Articles Submitted to The American Sociological Review During the Year 2002. *American Sociological Review*. Vol. 68. No. 3. P. 5—7. <https://doi.org/10.1177/000312240306800301>.
19. Bowker G. C. (2006) *Memory Practices in the Sciences*. Cambridge, MA: MIT Press.
20. Bourdieu P. (1995) La cause de la Science. *Actes de La Recherche En Sciences Sociales*. Vol. 106—107. No. 1. P. 3—10. <https://doi.org/10.3917/arss.p1995.106n1.0003>.
21. Boyd R., Richerson P. J. (1987) The Evolution of Ethnic Markers. *Cultural Anthropology*. Vol. 2. No. 1. P. 65—79. <https://www.jstor.org/stable/656396>.

22. Bowman T. D., Tsou A., Ni C., Sugimoto C. R. (2014) Post-Interdisciplinary Frames of Reference: Exploring Permeability and Perceptions of Disciplinarity in the Social Sciences. *Scientometrics*. Vol. 101. P. 1695—1714. <https://doi.org/10.1007/s11192-014-1338-z>.
23. Buxton A. B. (1987) Titles Revisited. *Journal of Documentation*. Vol. 43. No. 1. P. 65—68. <https://doi.org/10.1108/eb026802>.
24. Converse J. M. (2017) *Survey Research in The United States: Roots and Emergence 1890—1960*. London: Taylor and Francis.
25. Ductor L. (2015) Does Co-Authorship Lead to Higher Academic Productivity? *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. Vol. 77. No. 3. P. 385—407. <https://doi.org/10.1111/obes.12070>.
26. Fisher B. S., Cobane C. T., Vander Ven T. M., Cullen F. T. (1998) How Many Authors Does It Take to Publish an Article? Trends and Patterns in Political Science. *PS: Political Science, Politics*. Vol. 31. No. 4. P. 847—856. <https://doi.org/10.2307/420730>.
27. Fortunato S., Bergstrom C. T., Börner K., Evans J. A., Helbing D., Milojević S., Petersen A. M., Radicchi F., Sinatra R., Uzzi B., Vespignani A., Waltman L., Wang D., Barabási A. L. (2018) Science of Science. *Science*. Vol. 359. No. 6379. Art. eaao0185. <https://doi.org/10.1126/science.aao0185>.
28. Gadd E., Baldwin A., Norris M. (2010) The Citation Behaviour of Civil Engineering Students. *Journal of Information Literacy*. Vol. 4. No. 2. P. 37—49. <https://hdl.handle.net/2134/8257>.
29. Gieryn T. F. (183) Boundary-Work and The Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists. *American Sociological Review*. P. 781—795. <https://doi.org/10.2307/2095325>.
30. Gieryn T. F. (200) Paradigm for the Sociology of Science. In *Robert K. Merton: Sociology of Science and Sociology as Science*. New York, NY: Columbia University Press. P. 113—139. <https://doi.org/10.7312/calh15112-006>.
31. Griffiths T. L., Tenenbaum J. B. (2006) Optimal Predictions in Everyday Cognition. *Psychological Science*. Vol. 17. No. 9. P. 767—773.
32. Habibzadeh F., Yadhollahie M. (2010) Are Shorter Article Titles More Attractive for Citations? Crosssectional Study of 22 Scientific Journals. *Croatian Medical Journal*. Vol. 51. No. 2. P. 165—170. <https://doi.org/10.3325/cmj.2010.51.165>.
33. Haggan M. (2004) Research Paper Titles in Literature, Linguistics and Science: Dimensions of Attraction. *Journal of Pragmatics*. Vol. 36. No. 2. P. 293—317. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(03\)00090-0](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(03)00090-0).
34. Hartley J. (2007) Planning that Title: Practices and Preferences for Titles with Colons in Academic Articles. *Library and Information Science Research*. Vol. 29. No. 4. P. 553—568. <https://doi.org/10.1016/j.lisr.2007.05.002>.

35. Heilbron J., Bokobza . (2015) Transgresser les Frontières en Sciences Humaines et Sociales en France. *Actes de La Recherche En Sciences Sociales*. Vol. 210. No. 6. P. 108—121. <https://doi.org/10.3917/arss.210.0108>.
36. Henriksen D. (2016) Th Rise in Co-Authorship in The Social Sciences (1980—2013). *Scientometrics*. Vol. 107. No. 2. P. 455—476. <https://doi.org/10.1007/s11192-016-1849-x>.
37. Kim E. (2015) Remnants f Culture in Journal Article Titles: a Comparison Between the United States and Korea in the Field of Social Sciences. *Journal of Korean Library and Information Science Society*. Vol. 46. No. 1. P. 345—372. <https://doi.org/10.16981/kliss.46.201503.345>.
38. Lamont M. (2009) How Proessors Think: inside The Curious World of Academic Judgment. Cambridge, MA: Harvard University Press.
39. Lamont M., Molnár V. (2002) The Study of Boundaries in The Social Sciences. *Annual Review of Sociology*. No. 28. P. 167—195. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141107>.
40. Lewandowsky S., Griffiths T. L., Kalish, M. L. (2009) The Wisdom of Individuals: Exploring People’s Knowledge about Everyday Events Using Iterated Learning. *Cognitive Science*. Vol. 33. No. 6. P. 969—998. <https://doi.org/10.1111/j.1551-6709.2009.01045.x>.
41. Lynch M., Woolgar S. (1988 Introduction: Sociological Orientations to Representational Practice in Science. *Human Studies*. Vol. 11. No. 2/3. P. 99—116. <http://www.jstor.org/stable/20009022>.
42. Matveeva N., Sterligov I., Lovakov A. (2022) International Scientific Collaboration of Post-Soviet Countries: A Bibliometric Analysis. *Scientometrics*. Vol. 127. No. 3. P. 1583—1607. <https://doi.org/10.1007/s11192-022-04274-0>.
43. Milojević S. (2017) The Lengh and Semantic Structure of Article Titles — Evolving Disciplinary Practices and Correlations with Impact. *Frontiers in Research Metrics and Analytics*. No. 2. <https://doi.org/10.3389/frma.2017.00002>.
44. Moed H. F., Markusova V., Akov M. (2018) Trends in Russian Research Output Indexed in Scopus and Web of Science. *Scientometrics*. No. 116. P. 1153—1180. <https://doi.org/10.1007/s11192-018-2769-8>.
45. Moody J. (2006) Trends in Socilogy Titles. *The American Sociologist*. Vol. 37. No. 1. P. 77—80. <https://doi.org/10.1007/s12108-006-1016-6>.
46. Moody J., Edelmann A., Light R. (2022) 100 years of Social Forces as Seen through Bibliometric Publication Patterns. *Social Forces*. Vol. 101. No. 1. P. 38—75. <https://doi.org/10.1093/sf/soac046>.
47. Mozer M. C., Pashler H., Homaei H. (2008) Optimal Predictions in Everyday Cognition: The Wisdom of Individuals or Crowds? *Cognitive Science*. Vol. 32 No. 7. P. 1133—1147. <https://doi.org/10.1080/03640210802353016>.

48. Nagano R. L. (2015) Research Article Titles and Disciplinary Conventions: A Corpus Study of Eight Disciplines. *Journal of Academic Writing*. Vol. 5. No. 1. P. 133—144. <http://dx.doi.org/10.18552/joaw.v5i1.168>.
49. Porter R., Ross D. (eds.) (2003) *The Cambridge History of Science*. Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press.
50. Lacour J., Bucalossi P., Cacers E., Jacobelli G., Koszarowski T., Le M., ... Veronesi U. (1976) Radical Mastectomy Versus Radical Mastectomy Plus Internal Mammary Dissection. Five-Year Results of an International Cooperative Study. *Cancer*. Vol. 37. No. 1. P. 206—214. [https://doi.org/10.1002/1097-0142\(197601\)37:1%3C206::AID-CNCR2820370130%3E3.0.CO;2-M](https://doi.org/10.1002/1097-0142(197601)37:1%3C206::AID-CNCR2820370130%3E3.0.CO;2-M).
51. Rawat K. S., Sood S. K. (2021) Emerging Trends and Global Scope of Big Data Analytics: a Scientometric Analysis. *Quality & Quantity*. Vol. 55. No. 4. P. 1371—1396. <https://doi.org/10.1007/s11135-020-01061-y>.
52. Richerson P. J., Boyd R. (2001) Institutional Evolution in The Holocene: The Rise of Complex Societies. In: W. G. Runciman (ed.) *The Origin of Human Social Institutions, Proceedings of the British Academy*. Vol. 110. P. 197—204.
53. Reynolds K. H. (2001) The Social Identity Perspective in Intergroup Relations: Theories, Themes, and Controversies. In Brown R., Gaertner S. L. (eds.) *Blackwell Handbook of Social Psychology: Intergroup Processes*. Vol. 3. P. 133—152. <https://doi.org/10.1002/9780470693421>.
54. Soler V. (2007) Writing Titles in Science: An Exploratory Study. *English for Specific Purposes*. Vol. 26. No. 1. P. 90—102. <https://doi.org/10.1016/j.esp.2006.08.001>.
55. Turner J. C. (1981) Towards a Cognitive Redefinition of The Social Group. *Cahiers de Psychologie Cognitive/Current Psychology of Cognition*. Vol. 1. No. 2. P. 93—118.
56. Turner J. H. (2006) American Sociology in Chaos: Differentiation without Integration. *The American Sociologist* Vol. 37. No. 2. P. 15—29. 1133—1147. <https://doi.org/10.1007/s12108-006-1002-z>.
57. Uçak N. Ö., Al U. (2009) The Difference among Disciplines in Scholarly Communication. A Bibliometric Analysis of Theses. *Libri*. Vol. 59. No. 3. P. 166—179. <https://doi.org/10.1515/libr.2009.016>.
58. White A., Hernandez N. R. (1991) Increasing Field Complexity Revealed Through Article Title Analyses. *Journal of the American Society for Information Science*. Vol. 42. No. 10. P. 731—734. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4571\(199112\)42:10<731::AID-ASI6>3.0.CO;2-W](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4571(199112)42:10<731::AID-ASI6>3.0.CO;2-W).
59. Yang K. (2019) Comparative Analysis of Publication Patterns in Sciences and Humanities: Based on Bibliometric Data from Korea Citation Index. *Journal of Korean Library and Information Science Society*. Vol. 50. No. 3. P. 23—47. <https://doi.org/10.16981/kliss.50.3.201909.23>.

60. Yitzhaki M. (1994) Relation of Title Length of Journal Articles to Number of Authors. *Scientometrics*. Vol. 30. No. 1. P. 321—332. <https://doi.org/10.1007/BF02017231>.
61. Yitzhaki M. (2002) Relation of The Title Length of a Journal Article to the Length of the Article. *Scientometrics*. Vol. 54. No. 3. P. 435—447. <https://doi.org/10.1023/A:1016038617639>.